

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

СВЯТОСТЬ И ДУХОВНОСТЬ СЛОВЕСНОСТИ

Рецензии из книги:

Померанц Григорий. *Страстная односторонность и бесстрашие духа*. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 618 с. (тираж 100 экз.).

Пинский Леонид. *Ренессанс. Барокко. Просвещение*. 2-е изд., испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Генезис, 2014. 624 с. (тираж 1000 экз.).

Земсков Валерий. *О литературе и культуре Нового Света*. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Генезис, 2014. 592 с. (тираж 20000 экз.).

Аннотация. Культурный процесс, как известно, не развивается линейно, открыто, с неизменным признанием всех достижений данного процесса. В этом потоке возможны вычерки, утраты, цензорские директивы казённого сознания. Порой продуктивное творчество исследователя обрывает тюрьма. Иных поэтов незаслуженно преследует забвение. Однако великие достижения духовной культуры не исчезают бесследно. Как говорится, «приходит день, приходит час», и бесстрашие духа побеждает. Было бы наивно полагать, что всё это происходит само по себе, в силу логики культурного процесса. Нет, для восстановления истории требуется ещё подвижничество, духовная воля, которая устраняет несправедливость. Названные книги изданы благодаря неустанной просветительской деятельности Светланы Яковлевны Левит. Уже много лет она занята поиском забытых имён, трудов, традиций. После каждого издания общее представление о культурно-историческом процессе радикально преобразуется. Книга Г.М. Померанца – не только исследование, это демонстрация гениального ума нашего современника, настоящая энциклопедия поэтики духовности. Рассказывая в наши дни о духовном споре цивилизации, мы почти не учитываем латиноамериканский ареал. И вот изданная книга В.Б. Земского раскрывает нам тайны этой цивилизации.

Методы исследования связаны с историзмом. Он толкуется как идейная основа, культурная память искусства, залог духовности, связующая нить поколений. Историзм есть свойство человеческой души, «всеобщая отзывчивость» (по Ф.М. Достоевскому). В материале используются также приёмы герменевтического анализа.

Новизна статьи обусловлена стремлением донести до читателей огромный духовный опыт литературного творчества, заключённый в названных книгах. Поиск духовности всегда одушевлён страстью. В этом смысле он может страдать односторонностью. Эту индивидуальную увлечённость уравнивает, гармонизирует бесстрашие духа. Книги, о которых идёт речь, посвящены литературе России, Европы, Латинской Америки. Объединяет их поэтика духовности. Она сближает разные темы, континенты, эпохи. А взятые вместе эти издания неизмеримо расширяют горизонт исследовательской деятельности.

Ключевые слова: дух, страстность, поэзия, литература, цивилизация, инаковость, открытие, конкиста, межцивилизационное общение, вестничество.

Review: The cultural process, as is known, does not develop linearly, openly, with customary acknowledgement of all achievements of this process. In this stream, there might be cut-outs, losses, censor directives of official consciousness. Sometimes, productive creation of a researcher is cut by imprisonment. Other poets are undeservedly chased by oblivion. But great achievements of spiritual culture do not disappear without a trace. «A day comes, and an hour comes», as the saying goes, and the passionless spirit wins. It would be naïve to believe that all this happens by itself, due to the logic of the cultural process. No, restoration of history requires selfless devotion, spiritual will that removes injustice.

The books have been published thanks to incessant educational work of Svetlana Ya. Levit. For many years, she has been engaged in search for forgotten names, works, traditions. After each publication the general perspective of the cultural-historical process changes radically. The book by G.M. Pomerants is not just a research work, it demonstrates the mind of genius of our contemporary, it is a real encyclopaedia of the poetics of spirituality. Speaking nowadays about the spiritual dispute of civilizations we pay little attention to the Latin American region. And now the published book by V.B. Zemskoy opens the secrets of this civilization.

Research methods are related to historicism. It is interpreted as ideological basis, cultural memory of art, essential condition of spirituality, the thread between generations. Historicism is a quality of the human soul, «universal responsiveness» (according to F.M. Dostoyevsky). The material uses also the method of hermeneutic analysis.

The novelty of the article is conditioned by an attempt to bring to the readers the huge spiritual experience of literature creation, found in these books. Search for spirituality is always inspired by passion. In this sense, it might suffer one-sidedness. This individual involvement is balanced, harmonized by the passionless spirit. The reviewed books deal with literatures of Russia, Europe, Latin America. They are united by the poetics of spirituality. It makes various themes, continents and epochs closer. And taken together, these publications immeasurably widen the horizon of research work.

Keywords: spirit, passion, poetry, literature, civilization, otherness, discovery, conquista, inter-civilizational communication, vestnichestvo.

Три разных исследования. Разные эпохи. Несовпадение культурных миров. Что может соединить эти книги? Чувство метафизической тревоги. Набожное отношение к словесности. Сближение имён и созвучий.

Первая из названных книг представляет собой сборник статей известного философа, культуролога, публициста, писателя **Г. Померанца** [1]. Сюда вошли работы 80-90-х годов с несколькими возвращениями в прошлое. Аналитические разборы поэзии Э. Манделштама, Д. Самойлова, Б. Пастернака, Б. Чичибакина. Но не только о поэзии. Еще и художественной прозе, кино, живописи. Ни одна из статей, помещённых в сборнике, не является обстоятельным разбором творчества того или иного поэта. Это скорее всего неповторимое эссе, в котором основное место занимает сам Григорий Померанц. Автор книги и не скрывает случайности своих заметок. Рассказывая о Э. Манделштаме, он отмечает, что около полувека назад он впервые столкнулся со стихами.

Дальше читатель ждёт, что Г. Померанц сообщит о глубоком впечатлении, которое произвели на него стихи поэта. Но следует неожиданное заявление: «эти стихи я не понял...». Г. Померанц сетует: были люди, которые, столкнувшись с разными импрессионистскими мазками, все равно ощущали некую целостность. Однако Григорий Соломонович в ту пору таким даром не обладал. Прошли годы и лишь спустя определенное время, он, по его собственному признанию, научился дрейфовать по свободным сцеплениям ассоциаций. В минувшем столетии, как полагал Г. Померанц, во всех видах искусства шёл процесс дробления целого. Но за этой фрагментарностью

шли поиски неразъёмного в распредмеченном, текучем, ничем не сцепленным.

В творчестве Мангдельштама слово отрывается от лингвистического гнезда. Оно больше не состоит на службе, не выполняет обусловленную ему роль. Слово становится самостоятельным, как нота в музыкальном произведении, как некий знак. Но оно не эмигрирует в субъективные пучины. Слово пытается создать музыку смыслов. Что такое поэзия? Конструировать искусство, – значит, определить его место в универсуме. Определение этого места есть единственная дефиниция искусства. ... Поэтому поэзию Шеллинг считает выражающей как бы сущность искусства вообще. Но Г. Померанц утверждает: поэзию невозможно определить, но она сама себя определяет набором синонимов. Он же добавляет, что именно так Дионисий Ареопагит подходит к пониманию Бога через перечисление имен Божьих.

Поэзия Манделштама, по определению Померанца, подобна пространству чистой музыки. Ядро мысли у этого поэта непредсказуемо. «Откуда бы Манделштам не брал ключевое слово в стихотворении, на волне ритма возникает что-то непредсказуемое, и именно это непредсказуемое поражает и захватывает» [2, с. 191]. Только поэзия позволяет заглянуть в бездну. Манделштам слышал этот призыв. Он осознавал, что приобщение к бездне рождает духовную силу. Поэт говорит о простых вещах и ситуациях, но неизбежно оказывается в пучине.

Г. Померанц, анализируя поэзию Манделштама, не ограничивается разбором строчек поэта. Он действует как вольноотпущенник смысла, постоянно находя повод для сравнения Манделштама и Блока, Даниила Андреева и средневековых поэтов.

Поэт знаком с критическими статьями о Мандельштама. Но он не видит смысла анализировать те стихи, которые привлекли внимание критиков. Он лишь сетует, что они прошли мимо тех стихов, которые любимы Г. Померанцем. И вот он даже пытается оправдать свое видение строк. Г. Померанц пишет: «Гегель называл теоретическим чувством зрение. Зрение близко к воззрению, к мировоззрению. Я так вижу мир. Но если я вижу одну восьмую, а осязую семь восьмых? Осязание – чувство нефилософское, и все-таки надводная и подводная части айсберга принадлежат единой глыбе. В надводной – прочитанные книги и написанные статьи. А в подводной неисповедимо сходятся концы с концами и возникает целостный образ бытия» [2, с. 196].

А вот совсем иная интрига, когда речь заходит о поэзии Б.Л. Пастернака. Статья называется «Поэзия духовного опыта». Но точно ли речь идёт об этом поэте? Ведь Г. Померанц заявляет, то проблема неслышанной простоты перед А. Ахматовой не стояла. Затем неожиданно приводятся строчки Н. Коржавина. И в силу авторской логики спор Мандельштама с Гумилевым. Зачем этот необязательный набор? А затем, чтобы показать непередаваемое ощущение простоты. Простота, оказывается, может быть предельной, но при этом она не становится неслышанной, как у Пастернака. Между тем, по оценке Г. Померанца, сдвиг к такой простоте охватывает все творчество Пастернака.

Даниил Андреев писал о тех, кто несёт духовную миссию: «Вестник – это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, даёт людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из миров иных. Пророчество и вестничество – понятия близкие, но не совпадающие. Вестник действует только через искусство; пророк может осуществлять свою миссию и другими путями – через устное проповедничество, через религиозную философию, даже через образ всей своей жизни. С другой стороны, понятие вестничества близко к понятию художественной гениальности, но не совпадает также и с ним. Гениальность есть высшая степень художественной одаренности. И большинство гениев были в то же время вестниками – в большей или меньшей степени, – но, однако, далеко не все. Кроме того, многие вестники обладали не художественной гениальностью, а только талантом» [3, с. 98].

Г. Померанц рассматривает творчество Д. Андреева. Он полагает, что взлеты и срывы этого человека легко укладываются в традицию русского вестничества. В то же время недостаток вестниче-

ского вдохновения обуживал ресурсы французской литературы. И в самом деле русскую литературу пафос вестничества обогащал [см., в частности, об этом: 4]. Черты вестника-духовидца можно разглядеть во многих строчках русского поэта.

Автор рецензируемой книги – гениальный парадоксалист. Вот он намеревается рассказать о тюремной лирике Даниила Андреева. Г. Померанц сразу сообщает: задолго до тюрьмы Андреев начал готовить свой подкоп из тюрьмы времени – в вечность [5, с. 298]. По слову Г. Померанца, таинственный вестник пытается понять, куда уходят гигантские исторические и космические корни зла? И откуда, через толщу зла льется свет, прикосновение которого поэт чувствовал?

Есть и Бориса Чичибачина прекрасные строчки, которые поражают просветленной поэтизацией лишений в канун неизбежного подвига:

*Не подари мне легкой доли,
В дороге друга, сна в ночи,
Сожги мозолями ладони,
К утратам сердце приучи.
Доколе длится время злое,
Да буду хвор и немощ.
Дай задохнуться в диком зное,
Веселой замятью замучь
И отдели меня от подлых,
И дай мне горечи в любви,
И в час, назначенный на подвиг,
Прощенного благослови...*

Но в очерке о поэзии Бориса Чичибачина у Г. Померанца этих строк нет. Свои рассуждения об этом стихотворце автор статьи «Одинокая школа любви» начинает с констатации: цензура отсекала запретное. Ни напечатать при жизни ни строчки Даниил Андреев, Людмила Окназава, Александр Солодовников. Не печатались Вениамин Блаженный, Зинаида Миркина. В черный список попали Липкин и Лиснянская. Много лет не издавался Борис Чичибачин.

Но о каких стихах идет речь? Г. Померанц называет их поэзией духовного опыта. О Борисе Чичибачине сказано, что стихи выливались у него на бумагу под диктовку непосредственного чувства. Стихи этого поэта не помещаются под рубрикой «воспоминания чувства». Б. Чичибачин не пытался соотноситься с двоемыслием.

И вот, наконец, строчки, близкие по смыслу тем, которые я привёл в качестве суровых и исповедальных:

*Сними с меня усталость, мать Смерть.
Я не прошу награды за работу,
но ниспошли остуду и дремоту
на мое тело, длинное как жердь.
Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
приходит сон, томителен и чуток,
и в сон желанье смерти вселено.
Мне книгу зла читать не вмоготу,
а книга блага вся перелисталась.
О Мать Смерть, сними с меня усталость,
покрой рядом худую ногу.*

В творчестве Б. Чичибачина Г. Померанц выделяет тему любви. Она рождена жизненной подробностью биографии поэта. Но как целомудренно и знойно описывает это чувство Г. Померанц. Захваченность звериной красотой Лили он обозначает как цельность и силу чувства. Это чувство рождается из нежности и уходит в нежность. Поэт, по словам Г. Померанца, открыт боли, но он тонет в ней.

Кем же на самом деле был этот запрещенный поэт? Разве он не был патриотом страны? Но любовь к стране бывает разной. Его нежность к стране не сопрягается с ненавистью к другим народам. Поэзия Б. Чичибачина всегда откликнулась на мучения гонимых, на бедность и притеснения обиженных. Общая характеристика его творчества написана у Г. Померанца с оттенком восторженной полемичности: «Не поэт – в смысле, в котором говорят о человеке, поэт, прозаик... Не литератор. Не профессионал. Это потом особо обдумывалось и разъяснялось. Но если человек родился поэтом, он не может вылезть из самого себя. Вспышки творчества приходят к нему как страсть. Пусть нечасто. Поэт остается поэтом и без стихов. Достаточно чувствовать в себе силу, образ и подобие той, которая сотворила мир, Чувствовать как страдание тонет в радости, как грохот событий тонет в тишине, нелепость жизни – в целостном разуме» [5, с. 361].

Можно ли обзорно охватить безмерное богатство книги Г. Померанца? Это непосильная задача. Щедрость мысли, точность оценок, предельная неповторимость собственной позиции. Немыслимая россыпь философских идей, художественных экспертиз, отсылок к древним текстам, мудрости веков, интуитивным прозрениям.

И вот что в сухом остатке? Назрела потребность в анализе всей совокупности того процесса, который называется «отечественной литературой». Без купюр, цензурской бдительности, выстроен-

ной официальной иерархией. Поставленные рядом строчки запрещенных поэтов и тех, кто обслуживал официоз, находился в мейнстриме, явно не в пользу признанных. Процесс литературного творчества целостен, но его логика далеко не всегда совпадает с казенной линией. Из книги Г. Померанца мы узнаем новые имена, знакомимся с оттесненными строчками, получаем другой ориентир для понимания сущности поэзии.

Но книга Померанца – еще и образец глубокого профессионального анализа художественных явлений. Анализа, в котором нет места профессиональной узости, однобокого служебного кретинизма, штатной ангажированности. Изложение Г. Померанца льется свободно, с поразительными ссылками, подтверждающими бесстрастие духа.

Г.С. Померанц называет в книге Леонида Ефимовича Пинского (1906-1981) своим учителем. Это один из крупнейших литературоведов. О личности и глубине наследия *Л.Е. Пинского* в книге «*Ренессанс. Барокко. Просвещение*» [6] рассказывает С.И. Пискунова. Вот она пишет: «Когда-нибудь, уже не в этом веке, – если в России еще останутся «игроки в бисер», – один из них напишет историю недолгого процветания на русской почве нигде в мире не виданной учебной дисциплины, именуемой на студенческом языке «зарубежкой». Её официальное название – «история зарубежной литературы» [7, с. 566].

О мировом искусстве, его жанрах и этапах развития написано множество книг. Однако вряд ли можно считать себя сведущим в этой области тот, кто незнаком с произведениями Л.Е. Пинского, Наряду с трудами французского исследователя И. Тэна, датского ученого Георга Брандеса и российского Александра Веселовского книга Л.Е. Пинского составляет классику культурфилософской и искусствоведческой мысли.

Рецензируемая книга посвящена истории западной литературы. Первый раздел книги состоит из малоизвестных работа Л.Е. Пинского – «Сюжет «Дон Кихота» и конец реализма Возрождения», «Жизнь и творчество Бальтасара Грасиана» и др. Второй раздел содержит публикацию лекций, посвященных литературе эпохи Просвещения, читавшихся в 1944-1945 гг. Научная деятельность Л.Е. Пинского не могла не вызвать официальной реакции. Его преподавательская деятельность была прервана его арестом в 1951 г. Она отражена лишь в воспоминаниях его слушателей. О лекциях Л.Е. Пинского его ученики вспоминают как о наибо-

лее ярких событиях своих студенческих лет. Такова преамбула аннотации, которая подготавливает нас к чтению самих работ Л.Е. Пинского.

Л.Е. Пинский отмечает, что искусство раннего Ренессанса развивалось в Италии и Нидерландах в условиях, когда во всей Европе доцветала поздняя готика. Однако уже в первые десятилетия новой эпохи возникает феномен, который Пинский называет освобождением человека. Эпоху Ренессанса пережили все страны Запада (приблизительно в XIV-XVI вв.) и многие страны Востока. Название «Возрождение» (франц. «Ренессанс») связано с отношением к античному наследию. В формировании возрожденческого сознания огромную роль сыграла античная литература. Количество ее источников умножалось с каждым годом, в поисках этих источников европейцы разъезжали по всем странам. Древние списки с античных рукописей находили и в Византии, и в старых монастырских библиотеках Италии, Франции, Германии, Англии.

Новые представления о мире и человеке должны были пройти через горнило античного сознания, прежде чем оно облеклось в плоть и кровь новой культуры. Житейская философия древних представляла собой притягательный мир, бесконечно более разнообразный и доступный, нежели строго и неумолимая мораль богословских сочинений. Мир эллинов казался куда более разумным и привлекательным, нежели головоломные построения схоластов.

В эпоху Ренессанса появилось новое слово – индивидуальность. Ни об одной культуре прежде нельзя было сказать, что стержнем и основой ее развития был поиск индивидуальности, стремление уяснить и обосновать независимое достоинство особого индивидуального мнения, вкуса, дарования, образа жизни, то есть самоценность отличия. Получив первые импульсы в итальянском Возрождении, пройдя через череду сложных превращений в XVII в., лишь в конце эпохи Просвещения эта идея стала формироваться на европейской почве.

В эпоху Ренессанса Возрождения сама индивидуальность стала восприниматься как ценнейшее человеческое качество. Ни об одной культуре до Нового времени нельзя было сказать, что она пребывала «в поисках индивидуальности», то есть стремилась уяснить и обосновать независимое достоинство особого индивидуального поведения. В античности не было идеи индивидуальности. Переход от понятия «индивид» к понятию «индивидуальность» можно характеризовать как всемирно-историческую переориентацию, сопоставимую по

значимости с «осевым временем», то есть, по Ясперсу, с мощным взлетом духа [8, с. 3].

Л.Е. Пинский подчеркивает, что индивидуализм Возрождения покоится на глубокой и безграничной вере в человека, в возможность его безграничного развития. Он отмечает, что «принцип всесторонне-развитой, свободно совершенствующейся личности уподобляется в эпоху Возрождения не ремесленнику, действующему «по привычке», по патриархальным традициям средневекового цеха, а «художнику, не связанному с одной какой-либо частью материи» и которому «нужно быть универсальным» (Дж. Бруно), в условиях полусредневековой Европы не мог не стать аристократическим по своей форме» [9, с. 19].

В противовес принципам веры и авторитета, которые господствовали в средневековой культуре, мыслители Возрождения провозгласили неограниченные права разума. Анализ искусства становится у Л.Е. Пинского особенно интересным, когда он касается уже не социальных, а чисто эстетических сфер. Привлекает внимание обобщение о чувственном характере рационалистических пропорций в эстетике Возрождения. Прекрасное выступает в размышлениях представителей этой эпохи, как одновременно глубоко человеческое и идеализированное, разнообразное и сдержанное, рациональное и чувственное, реальное и фантастическое [9, с. 27].

Об эстетике барокко нам известно сегодня многое. Так, в книге А.В. Михайлова «Избранное. Завершение риторической эпохи» рассмотрены такие темы, как история понятия и термина барокко, барокко как язык культуры, эмблематическое мышление эпохи, барокко в различных видах искусства. Барокко углубило многие пространственные и динамические находки Ренессанса, свободную передачу движений человеческого тела, парение, иллюзия бесконечных архитектурных и небесных пространств. А.В. Михайлов пишет: «Человек эпохи барокко не знает еще того абсолютного отождествления себя самого со своим «я», которое стало разумеется в позднейшую эпоху. Но он, если упростить, есть для себя в значительной мере третье лицо, некий «он», неотрывный от наблюдающего его «я» и сопряженный с ним. Но вот эпоха барокко со своим хаосом, со своим бурлением и есть такое сновидение, из которого человек вышел как бы и освежившимся – и отождествившимся с самим собою, и примирившимся» [10, с. 11].

Вместе с тем, и это уже экспертиза Л.Е. Пинского, в эпоху барокко рождается разочарование в человеке. Действительно, художники барокко гораздо «трезвее» в оценке современного им че-

ловека как предмета искусства. Искусство барокко отражает характерную для него тенденцию – эстетизацию парадоксов и противоречий общественной динамики.

Из письма Эразма Роттердамского к Томасу Мору мы знаем, что он задумал эту блестящую сатиру, совершая путешествие и наблюдая бестолковую сутолоку человеческой жизни со своеобразной позиции – верхом на лошади. Эразм писал Мору: «Знаю, что и тебя очарует подобная шутка, ты и сам, подобно Демокриту, весёлым взором смотришь на жизнь человеческую». Материал для книги Эразм Роттердамский брал из истории культуры. И он спрашивал: «Что значит голос немногих умных людей в этой огромной и шумной толпе?».

Л.Е. Пинский анализирует работу Э. Роттердамского «Похвальное слово глупости» с самых неожиданных ракурсов. Во-первых, он сообщает, что восхваление глупости – тема, которая проходит через поэзию, искусство и народный театр XV-XVI веков. Обращает на себя внимание также указание на то, что через всю первую «философскую» часть речи проходит сатирический образ «мудреца», и характеристика этого антипода Глупости оттеняет основную мысль Эразма.

Обращаясь к анализу жизнеописания скульптора Б. Челлини, Л.Е. Пинский не ограничивается рассмотрением лишь его жизни и творчества. Он использует биографию этого человека для характеристики ренессансной этики «доблести». Далее следует очерк об одном из самых значительных драматургов, предшественников Шекспира. Л.Е. Пинский рассказывает о том, как театр стал публичной трибуной, которая отражала подъем национального сознания. С огромным погружением читается статья, посвященная сюжету Дон-Кихота. Автор пишет: «Сервантесу всецело принадлежит сама фабула его произведения, как и связанная с ним тема. Трагикомическая история бедного идалго, возомнившего, что он – герой, призванный возродить странствующее рыцарство, дабы помогать беззащитным, мстить за обиженных и карать вероломных, не имеет ни фольклорных, ни книжных источников» [11, с. 98]. Раскрытие этой ситуации исследователь изучает на фоне последующих веков. На примере романа Матео Алемана «Гусман де Альфараче» Л.Е. Пинский изучает поэтику плутовского романа.

Нет оснований оспаривать выводы Л.Е. Пинского, который считает, что классическая испанская литература «золотого века» знаменита образами, сюжетами и жанрами, которые приобрели миро-

вую славу. Любая тема, попавшая в поле зрения Л.Е. Пинского, обретает глубину и доказательность. Рассказывая об одном писателе – Бальтасаре Грасиане, литературовед дает целостное представление об эпохе. Он рассуждает не только о всеевропейском значении замечательного классика испанской литературы. Исследование пробуждает множество ассоциаций, связанных с литературой и философией. В частности, в связи с темой личности упомянутой и философская концепция Фихте.

Во второй части книги помещены лекции, посвященные эпохе Просвещения. После двухвековой борьбы рационализма и сенсуализма, противопоставлявших чувственные и рациональные способности человека, сложился новый уровень понимания его сущности, согласно которому каждая из духовных сил человека (разум, чувство, воля) специфична и незаменима в процессе создания и постижения мира. В сознании человека заложена способность, гармонизирующая чувства и разум, желания и познание, созерцание и преобразование. Эта способность была названа эстетической. «Человек эстетический» выступал для философов Просвещения как воплощение гармоничного человека, идеальная модель человека вообще. Эстетическая способность обеспечивала человеку возможность бытия в культуре как в царстве свободы и творчества.

Л.Е. Пинский не считает XVIII столетие «золотым веком» художественной литературы. Отмечается, что словесность в этот период становится «умной, начинается исключительный расцвет теории литературы. Эпоху Просвещения принято характеризовать как «век разума». Однако Л.Е. Пинский показывает, что скорее это было время критики разума, а не его всевластия. «Вера в разум порождает отрицательное отношение ко всякой слепой традиции, опирающейся только на давность. Иногда просветителей называют «антитрадиционалистами». Но это верно лишь с оговоркой. Некоторые традиции никогда не стояли так высоко, как в XVIII веке, например, культ античности» [12, с. 98].

Просвещение, как известно, существовало во множестве вариантов. Л.Е. Пинский рассматривает английский, французский и немецкий варианты Просвещения. Любая тема, затронутая автором, заключает в себе глубокое теоретическое содержание. Освещены также три типа Просвещения – рационалистическое, сентиментальное и неоклассическое. В этом разделе книги анализируется стиль рококо. В силу некоторых исторических особенностей и мировоззрения того времени, стиль Рококо

оставил самый заметный след не в крупных монументальных формах, а в предметах интерьера и аксессуарах. Рококо – стиль, основанный на деталях. Модным словом становится *bagatelle* (фр. пустяк, безделушка). Именно в эпоху Рококо впервые возникает представление об интерьере, как целостном ансамбле: стилевом единстве здания, декора стен, потолков, мебели. Сочетание ажурных форм, сложного орнамента и прозрачных, светлых красок порождало праздничное, действительно феерическое зрелище. Все искусство рококо построено на асимметрии, создающей ощущение беспокойства – игривое насмешливое, вычурное.

Л.Е. Пинский рассматривает сентиментализм как явление интернациональное. Вместе с тем он правомерно определяется как большое явление художественной жизни, которое охватывает и философию, и политэкономия, и критику, и историю культуры. Лекции Л.Е. Пинского, как это очевидно, не просто лекционный материал. Это огромный исследовательский труд, дающий ясное представление об основных тенденциях художественной практики Европы на протяжении нескольких веков.

Валерий Борисович Земсков (1940-2012) – выдающийся историк, теоретик литературы Латинской Америки. Как отмечает автор вступительной статьи к книге *«О литературе и культуре Нового Света»* [13] А.Ф. Кофман, его заслуги в российской латиноамериканистике, ее филологической и культурологической областях трудно переоценить. Именно В.Б. Земсков первым начал глубокое научное изучение и комментирование произведений Г. Гарсиа Маркеса. Написанная им монография *«Габриэль Гарсиа Маркес»* (1986) имела огромный успех не только в нашей стране, но и за рубежом. Это исследование остается до сих пор единственной книгой на русском языке о творчестве колумбийского нобелевского лауреата. Во вступительной статье А.Ф. Кофмана дана развернутая оценка многообразного творчества В.Б. Земскова.

Представленное исследование состоит из нескольких частей. Основное место в книге занимает разбор творчества Габриэля Гарсиа Маркеса. По мнению В.Б. Земского, Маркес вернул искусству XX века мощь гениального поэта, шагаловскую свободу поэзии.

Замечательный очерк о Колумбе, который открыл Другой Свет. В.Б. Земсков отмечает, что понятия «другой», «иной» и производное от них – «инаковость» возникли и приобрели особый смысл в процессе познания новооткрытых земель, в ходе

сложнейшего процесса возникновения новой культурно-цивилизационной общности» [14, с. 163].

С такой же обстоятельностью В.Б. Земсков изучает другие понятия, в частности, «открытие», «конкиста», связанные со встречей континентов. Появление нетрадиционных формул на исходе XX века обусловлены поисками новых принципов геополитических отношений. Так характеризуется исток или начало литературы Испанской Америки.

Еще один раздел книги связан с теми, кто создавал испано-американскую литературу XVI-XX веков. Итак, воссоздана история культуры и литературы «Другого Света» (выражение Христофора Колумба) – Латинской Америки от истоков – «Открытия» и «Конкисты», хроник XVI в., креольского барокко XVII в. (Хуана Инес де ла Крус и др.) до латиноамериканского романа (Алехо Карпентьер, Хорхе Луис Борхес и др.).

Борхес назван В.Б. Земсковым «незрячим проводником». «Вся творческая биография Борхеса, – пишет автор, – это нескончаемое путешествие по истории культуры и памятникам, написанным с древности и до наших дней, но путешествие не туристическое, а для извлечения смыслов и их «перелицовывания», исходя из опыта жизни в «эпицентре всеобщего катаклизма», который к концу века обрел всеобщий размах и поставил неотложный вопрос об его исходе» [14, с. 486].

В теоретических главах книги исследуется специфика культурогенеза в Латинской Америке, происходившего на основе межцивилизационного взаимодействия, своеобразие латиноамериканского культуротворчества, роль в этом процессе феномена «праздника», карнавала, особый тип латиноамериканской творческой личности. В результате показано, что в Латинской Америке литература, наделённая креативной инновационной ролью, создала культурное сознание новой цивилизационно-культурной общности, свой особый мир.

Особый интерес в книге имеет описание карнавальской культуры. Автор пишет: «Онтологическую, бытийственную целостность карнавального действия в нерасчленённом состоянии ощущают только сами его участники-творцы, наблюдатель же, находящийся в отчуждённой, отстранённой позиции, тем более, когда речь идёт о взгляде учёного, с необходимостью демонстрируют целостность, вычлениют отдельные аспекты» [14, с. 560].

Каждая из представленных книг, несомненно, является прологом к более продуктивной исследовательской деятельности, к развитию гуманитарной мысли.

Список литературы:

1. Померанц Григорий. Страстная односторонность и бесстрастие духа. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 618 с.
2. Мандельштам Э. Слово-Психея // Померанц Григорий. Страстная односторонность и бесстрастие духа. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.
3. Андреев Даниил. Роза мира. М., 2000.
4. Гуревич П.С. Сбылись ли пророчества М.Ю. Лермонтова // Филология: научные исследования. 2014. № 4(16). С. 301-304.
5. Померанц Г. Тюремная лирика Даниила Андреева // Померанц Григорий. Страстная односторонность и бесстрастие духа. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.
6. Пинский Леонид. Ренессанс. Барокко. Просвещение. 2-е изд., испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Генезис, 2014. 624 с.
7. Пискунова С.И. От социологической поэтики – к стоическому гуманизму // Пинский Леонид. Ренессанс. Барокко. Просвещение. 2-е изд., испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Генезис, 2014.
8. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
9. Пинский Л.Е. Ренессанс и барокко // Пинский Леонид. Ренессанс. Барокко. Просвещение. 2-е изд., испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Генезис, 2014.
10. Михайлов Александр. Избранное. Завершение риторической эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 480 с.
11. Пинский Л.Е. Сюжет «Дон Кихота» и конец реализма Возрождения // Пинский Леонид. Ренессанс. Барокко. Просвещение. 2-е изд., испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Генезис, 2014.
12. Пинский Л.Е. Просвещение XVIII века. Лекции // Пинский Леонид. Ренессанс. Барокко. Просвещение. 2-е изд., испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Генезис, 2014.
13. Земсков Валерий. О литературе и культуре Нового Света. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Генезис, 2014. 592 с.
14. Земсков В.Б. Колумб, открывший Другой Свет // Земсков Валерий. О литературе и культуре Нового Света. М., СПб., 2014.
15. Античная философия: Энциклопедический словарь / Председ. ред. колл. П.П. Гайденко, отв. ред. М.А. Солопова. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 896 с.
16. Глебкин Владимир. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с.
17. Гуманитарное знание и вызовы времени / Отв. ред. и сост. тома С.Я. Левит. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 480 с.
18. Гуревич П.С. Эстетика: учебное пособие. М.: Кнорус, 2011. 456 с.
19. Гуревич П.С., Буева Л.П., Спирина Э.М. «Духовность и современный спор цивилизаций» в рубрике «Круглый стол» // Вестник аналитики. 2014. № 4(58). С. 104-125.
20. Зедльмайр Ханс. Утрата середины. Революция современного искусства. Смерть света / Пер. с нем. С.С. Ванеяна. М.: Прогресс-традиция, 2008. 640 с.
21. Тэн Ипполит. Философия искусства / Вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Республика, 1996. 351 с.

References (transliteration):

1. Pomerants Grigorii. Strasnaya odnostoronnost' i besstrastie dukha. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 618 s.
2. Mandel'shtam E. Slovo-Psikhya // Pomerants Grigorii. Strasnaya odnostoronnost' i besstrastie dukha. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014.
3. Andreev Daniil. Roza mira. M., 2000.
4. Gurevich P.S. Sbylis' li prorochestva M.Yu. Lermontova // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2014. № 4(16). S. 301-304.
5. Pomerants G. Tyuremnaya liriki Daniila Andreeva // Pomerants Grigorii. Strasnaya odnostoronnost' i besstrastie dukha. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014.
6. Pinski Leonid. Renessans. Barokko. Prosveshchenie. 2-e izd., ispr. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Genezis, 2014. 624 s.
7. Piskunova S.I. Ot sotsiologicheskoi poetiki – k stoicheskomu gumanizmu // Pinski Leonid. Renessans. Barokko. Prosveshchenie. 2-e izd., ispr. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Genezis, 2014.
8. Batkin L.M. Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti. M., 1989.
9. Pinski L.E. Renessans i barokko // Pinski Leonid. Renessans. Barokko. Prosveshchenie. 2-e izd., ispr. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Genezis, 2014.
10. Mikhailov Aleksandr. Izbrannoe. Zavershenie ritoricheskoi epokhi. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2007. 480 s.
11. Pinski L.E. Syuzhet «Don Kikhota» i konets realizma Vozrozhdeniya // Pinski Leonid. Renessans. Barokko. Prosveshchenie. 2-e izd., ispr. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Genezis, 2014.

12. Pinskii L.E. Prosveshchenie XVIII veka. Lektsii // Pinskii Leonid. Renessans. Barokko. Prosveshchenie. 2-e izd., ispr. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Genezis, 2014.
13. Zemskov Valerii. O literature i kul'ture Novogo Sveta. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Genezis, 2014. 592 s.
14. Zemskov V.B. Kolomb, otkryvshii Drugoi Svet // Zemskov Valerii. O literature i kul'ture Novogo Sveta. M., SPb., 2014.
15. Antichnaya filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar' / Predsed. red. koll. P.P. Gaidenko, otv. red. M.A. Solopova. M.: Progress-Traditsiya, 2008. 896 s.
16. Glebkin Vladimir. Smena paradig v lingvisticheskoi semantike: ot izolyatsionizma k sotsiokul'turnym modelyam. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 368 s.
17. Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni / Otv. red. i sost. toma S.Ya. Levit. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 480 s.
18. Gurevich P.S. Estetika: uchebnoe posobie. M.: Knorus, 2011. 456 s.
19. Gurevich P.S., Bueva L.P., Spirova E.M. «Dukhovnost' i sovremennyi spor tsivilizatsii» v rubrike «Kruglyi stol» // Vestnik analitiki. 2014. № 4(58). S. 104-125.
20. Zedl'mair Khans. Utrata serediny. Revolyutsiya sovremennogo iskusstva. Smert' sveta / Per. s nem. S.S. Vaneyana. M.: Progress-traditsiya, 2008. 640 s.
21. Ten Ippolit. Filosofiya iskusstva / Vstup. st. P.S. Gurevicha. M.: Respublika, 1996. 351 s.